

С.Е. Ивлева

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ НЕСТОРА КУКОЛЬНИКА ПО ГЕРМАНИИ (1857)¹

В марте 1857 г. известный литератор и журналист Нестор Васильевич Кукольник вместе с женой Софьей Амалией фон Фризен отправился в большое европейское путешествие. К середине XIX в. гранд-тур по Европе стал почти обязательным эпизодом жизни любого просвещенного россиянина. Посещение знаменитых городов Германии, как правило, входило в программу европейского путешествия, да и попадал русский путешественник в Европу чаще всего через Пруссию. Нестор Кукольник не стал исключением, посетив основные культурные центры немецких земель. Впечатления от увиденного он фиксировал в дневнике — тетради красного сафьянового переплета, назвав его «Мои задушевные путевые записки»². Надо заметить, что русские путешественники вообще играли очень большую роль в распространении знаний о тех странах, где они побывали. Это происходило как посредством описательной литературы (дневников путешествий, путевых записок), так и благодаря эпистолярному наследию. «Записки...» Кукольника были составлены в виде писем к племяннику Павлу, оставшемуся в Петербурге. Форма писем позволяла максимально свободно делиться впечатлениями о культурной и повседневной жизни увиденных европейских стран, рассуждать о жизни и обычаях их народов. Если бы живые и остроумные «Записки...» Кукольника увидели свет, они, несомненно, стали бы заметным явлением в русской «литературе путешествий». Но они никогда не публиковались и с конца XIX в. хранятся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Городам Германии посвящено немало страниц «Записок...», и наблюдения писателя нам до сих пор интересны, т.к. сообщают множество подробностей (уже забытых или совсем

неизвестных) о повседневной жизни культурных учреждений Германии.

Имя писателя, журналиста и художественного критика Нестора Васильевича Кукольника (1809–1868) сейчас редко вспоминают даже знатоки. В общественном сознании он давно стал фигурой второго ряда, интересной в основном только специалистам. Между тем его вклад в русскую культуру до сих пор недостаточно оценен и нуждается в осмыслении.

Родился Нестор Кукольник в Петербурге в 1809 г. Сын профессора римского права Главного педагогического института (эту дисциплину Василий Григорьевич Кукольник преподавал даже великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам), соученик Н.В. Гоголя по знаменитой Нежинской гимназии князя Безбородко³, Кукольник был заметной фигурой в литературной и художественной жизни столицы середины XIX в.

В 1830–1840-е годы его исторические драмы «Торквато Тассо» (1833) «Рука Всевышнего отечество спасла» (1834), «Князь Даниил Дмитриевич Холмский» (1840) были чрезвычайно популярны, современники видели в нем «гордость и славу отечественной литературы». На счету Кукольника, издателя и журналиста, было два успешно осуществленных проекта — «Художественная газета», созданная «для утверждения славы отечественного искусства», и еженедельный журнал «Иллюстрация», «всемерно просвещающий читающую публику». По «средам» у Кукольника в доме на Итальянской улице, 31, собирався цвет художественного Петербурга. Частыми гостями его «сред» были художники: Карл Брюллов, увековечивший радушного хозяина на знаменитом портрете, писатели, издатели, артисты. Другом Кукольника был композитор Михаил Иванович Глинка, на музыку которого он написал несколько романсов и песен. Почти два десятилетия Нестор Кукольник был в гуще культурной жизни Петербурга, совмещая это с государственной службой. Но к концу 1850-х годов его литературная слава и бурная общественная деятельность остались в прошлом. В марте 1857 г. чиновник для особых поручений Министерства финансов, объехавший по служебной необходимости «Россию от Кишинева до Астрахани», действительный статский советник Нестор Васильевич Кукольник получил долгосрочный отпуск и вместе с женой, вооружившись «бедкерами» (путеводителями, выпущенными немецким издателем Карлом Бедкером), отправился в первое большое путешествие по Европе.

Любой гранд-тур был связан с немалыми трудностями, материальными и физическими, но все отступало перед желанием увидеть новое, удовлетворить свое любопытство. Для Кукольника, проехавшего большие пространства России по служебной необходимости, возможность путешествовать свободно, без обязательной программы была особенно приятной. «Великое счастье путешествовать для себя, учиться, смотреть, наблюдать»⁴, — так в «Записках...» начинал он отчет о собственном путешествии. Но Кукольник не мог быть просто «беззаботным туристом». Знакомство с жизнью стран и народов всегда вызывало живейший интерес Нестора Васильевича. Не зря тему путешествий он сделал одной из основных в своем журнале «Иллюстрация».

Еще в России Кукольник задумал создать универсальный художественный путеводитель, необходимый русским путешественникам. Его структуру он разработал заранее, наметив основные пункты, необходимые для знакомства с городами и их художественными объектами: *«Нравы, обычаи, особенности народов и городов, архитектура, живопись, музеи, театры, замечательные в каждом городе люди»*, и во время заграничного вояжа их уточнял и проверял. Рекомендации по составлению путеводителя, изложенные в «Записках...», могли бы (если бы «Записки...» были изданы) стать практическим руководством для издателей. По разработанному им плану Кукольник осматривал Берлин, отразив свои впечатления в «Записках...»

Следующий город, выбранный для осмотра, — Дрезден, о котором в «Записках» написано совсем немного. Причина, скорее всего, в том, что Кукольника больше интересовали города, обойденные вниманием путешественников. Да и разработанный план изучения культурных объектов Дрездена применить на практике не удалось. Как это часто бывает в путешествиях, вмешались непредвиденные обстоятельства. «10/22 апреля мы в Дрездене. Вот уж для нас истинно негостеприимный город! Дождь, холод, мороз и снег. Вот тебе и климат для поправления здоровья.<...> По программе столько надо видеть, а тут кроме снегу ничего»⁵. Дрезденская галерея, разумеется, стала главным объектом осмотра. «Какая разница с Берлином, — написал Кукольник, — ...тут картин больше 2000 с лишком, а между тем совсем нет хлама»⁶. Но и галерея не открыла путешественникам многих своих сокровищ. «И тут неудача. Мы попали именно в такое время, когда ее моют и чистят. В некоторые комнаты не пускают, так что мы много не видели... Спасибо еще, что хоть на «Мадонну» Рафаэля удалось полюбоваться.

Говорить об этой галерее посему всего того, что о ней уже сказано, было бы глупо...»⁷ Осматривая галерею, Кукольник обратил внимание на особенности организации приема посетителей, невольно сравнивая их с порядками, введенными в Петербурге. С невольной иронией он отмечал, что «еще замечательней искусств в Галерее проводники, это не то что наши... невежи, заносчивые и грубые. Тут — это чиновники-старички, знакомые с историей, по крайней мере, того, что показывается, и провожали они нас всюду почтительно»⁸. Так что Дрезден оставил у путешественников чувство неудовлетворенности и легкой досады. «Право, я меньше видел, чем написано про Дрезден. Вероятно, я в досаде на несбывшиеся надежды... авось где-нибудь на-верстаем». И далее Кукольник резонно заметил: «Я думаю, и не было такого путешественника, который не дополнял бы своих заметок из путеводителей»⁹.

Лейпциг привлек Кукольника своей знаменитой ярмаркой. Правда, впечатления его оказались весьма сдержанными: «Ярмарка, чем собственно славится и известен Лейпциг, что-то мне не показалась, потому что она помещается на многих площадях и улицах, в домах и даже дворах... все заставлено... везде теснота...»¹⁰ Профессиональный интерес Кукольника вызвали книготорговые и издательские заведения Лейпцига. «150 книгопродавцев и столько же типографий. <...> Это явственно доказывает, как развита потребность книг, которых в одном Лейпциге выходит в свет больше, чем во всех других немецких городах, вместе взятых». Однако трезвый взгляд опытного издателя отметил, что книги «даже при такой конкуренции гораздо дороже, чем в Берлине»¹¹.

Мюнхен встретил Кукольника «страшной пылью и сильным ветром», но, несмотря на это, впечатление от города и людей у него сложилось положительное: «Мюнхен есть ничто иное, как парадиз Баварский <...> а баварцы мне нравятся больше других немцев... добрые, веселые, приветливые, разговорчивые»¹². Самым сильным художественным впечатлением Кукольника стало вовсе не обозрение городских музеев — «кто же про них не писал?», а посещение Мюнхенской библиотеки. Этому визиту в «Записках...» посвящены восторженные строки: «Снаружи здание не дурное, но тесное... зато внутри роскошь и простор... бесконечная комната с 300 тыс. книг... Особенная комната под замком хранит библиографические редкости. Конечно, в библиотеках путешественник немногому научится, при всем я очень рад, что рискнул пойти в Мюнхенскую. Я видел тут не одни мертвые буквы

старины, занимательные для антикваров, но истинно художественные произведения в книгопечатном деле, как, например, Гутенбергову Библию»¹³. И, подводя итог пребывания в Мюнхене, Кукольник предостерег «любопытных путешественников» от неуместного интереса ко всему подряд: «...ведь обозрение неизвестной Публичной библиотеки есть все-таки тщеславие»¹⁴.

Последним немецким городом, который увидел Нестор Кукольник, стал Дюссельдорф. Желание посетить его, отклонившись от общепринятого маршрута, не было случайным. Кукольника, художественного критика и друга многих художников, интересовали Дюссельдорфская академия как учебное заведение и Дюссельдорфская школа живописи как художественное явление, интерес к которой проявляли многие русские художники. Страницы «Записок...», посвященные Дюссельдорфу, полны информацией и сообщают неизвестные подробности художественного быта академии. Кроме того, они насыщены размышлениями маститого критика о природе национального искусства.

«Отчего тут возникла живописная школа, этого я себе объяснить не могу», — недоумевал Кукольник, обозревая дюссельдорфские ландшафты. «Окрестности Дюссельдорфа вовсе не живописны, и уединение учащегося хорошо для университета, но для живописца лучше большие города, там для его наблюдательности больше пищи и легче доставать натуру... но у немцев на все есть свои причины»¹⁵. Впечатление от города Кукольник сформулировал так: «Дюссельдорф вроде нашего Арзамаса. <...> Городок довольно большой и на Рейне, потому есть какая-нибудь торговля, и это его поддерживает, а на одном художестве он бы пылко обанкротился»¹⁶.

Далее он перешел к описанию собственно Дюссельдорфской академии. «Знаменитая академия... помещается в старом и грязном замке, где профессора имеют свои мастерские, но не живут... живет только один директор Шадов¹⁷, основатель и блюститель школы. Честь и слава ему... все-таки Дюссельдорф существует и производит много хорошего»¹⁸. Применить на практике один из пунктов своего плана, увидеть «замечательных в каждом городе людей» Кукольнику опять не удалось. «Ни одного профессора, ни директора я не застал в Дюссельдорфе, к крайнему моему сожалению», — зафиксировал Кукольник в «Записках...». И далее продолжил, что «все по случаю лета в разброде, ищут где-нибудь материалов для живописи»¹⁹. Все же кое-что посмотреть путешественники смогли даже в столь неудачное «отпуск-

ное» время. «Жена швейцара смилостивилась над любознательными иностранцами и повела по профессорским мастерским, показав нам работы Шадова, Зона, Гильдебранта, профессора гравирования Кёллера»²⁰. Краткое знакомство с работами дюссельдорфских мастеров могло дать только самые общие представления о них, но посетители осмотром остались довольны. «Хотя и видели мало, — записал Кукольник, — но в работах заметна жизнь, труд, движение»²¹.

Для знакомства с достижениями местной школы Кукольник посетил еще одну художественную достопримечательность города — Дюссельдорфскую выставку, где «было чем полюбоваться». Больше всего его поразило, что организаторы смогли практически соединить пропаганду и реализацию произведений местных художников. Экспонаты выставки, «которые могли бы украсить любую галерею... скромно разыгрываются в лотерею... в которой всегда все билеты разобраны, художники заплачены, частные люди пользуются благоденствиями искусства, вкус распространяется, Дюссельдорф держится»²².

Исполняя пункт «Музеи», Кукольник посетил и «так называемый городской музей, помещавшийся в том же, где и Академия, замке». Характеризуя качество представленных работ, он отметил, что «там посредственного чрезвычайно мало». Обратил он внимание и на «справедливый» принцип комплектования — «по одному экспонату с каждого художника», про состав экспонентов написал, что «не все художники по рождению принадлежат Дюссельдорфу... но тут воспитывались или провели время своей лучшей деятельностью»²³. Среди картин, представленных в залах, Кукольник с удовольствием отметил и «работу нашего Боголюбова, бравшего уроки у Андрея Ахенбаха»²⁴.

С грустью расставался Нестор Петрович с Дюссельдорфом, написав в «Записках...»: «...такой художественный оазис заслуживал бы большего внимания, но у меня не было времени, а жаль»²⁵. Хорошо понимая разницу между ознакомительной экскурсией и профессиональным изучением особенностей местной живописной школы, Кукольник подвел итог: «Для соображения тут много работы». И далее: «Отчего здесь есть художественное начало, а в Мюнхене его нет? Отчего в Дюссельдорфской школе господствует такая мелкота размеров? Все это любопытно, но неразрешимо без свиданий и разговоров с достойными художниками, а я в Дюссельдорф едва ли еще попаду. Крайне жаль»²⁶.

В конце августа (15/28) 1857 г. путешественники покидали Германию, их ждали другие города и столицы Европы.

1. Статья является продолжением напечатанной ранее: *Ивлева С.Е.* Нестор Кукольник. Художественные впечатления. Берлин // Немцы в Санкт-Петербурге. СПб., 2010. Вып. 6.

2. *Кукольник Н.В.* Мои задушевные путевые записки. 1857 [ОР РНБ. Ф. 402. Кукольник Н.В. Ед. хр. 1. В дальнейшем — «Записки...»].

3. Нежинский лицей — закрытое высшее учебное заведение для детей дворян в Нежине (Черниговская обл.) в 1820—1875 гг. До 1832 г. — Гимназия высших наук князя Безбородко. В августе 1820 г. отец писателя стал первым директором гимназии.

4. «Записки...» Л. 6.

5. Там же. Л. 57.

6. Там же.

7. Там же.

8. Там же. Л. 60.

9. Там же. Л. 62.

10. Там же. Л. 70.

11. Там же. Л. 75.

12. Там же. Л. 81.

13. Там же. Л. 105.

14. Там же.

15. Там же. Л. 217.

16. Там же.

17. Фридрих Вильгельм фон Шадов (1788—1862). С 1826 г. — директор Дюссельдорфской академии художеств.

18. «Записки...» Л. 217.

19. Там же.

20. Там же. Л. 218.

Зон Карл Фердинанд (1805—1867); Хильдебрант (Гильдебрант) Фердинанд Теодор (1804—1874); Кёлер Кристиан (1809—1861) — ведущие мастера Дюссельдорфской школы живописи.

21. Там же.

22. Там же. Л. 218.

23. Там же.

24. Там же. Л. 218.

Ахенбах Андреас (1815—1910) — пейзажист, яркий представитель Дюссельдорфской школы. Уроки у А. Ахенбаха брал знаменитый маринист А.П. Боголюбов, учившийся в Дюссельдорфе в 1854—1856 гг.

25. «Записки...» Л. 219.

26. Там же.